

Н.И. Девятайкина

**Два лика одного трактата: диалоги ренессансного
гуманиста Петрарки и эпитафьи к ним
реформационного автора**

Аннотация: Статья посвящена анализу трактата Франческо Петрарки «О средствах против превратностей судьбы», его систематизации по тематическому принципу. Автор пытается понять логику соотношения текстов Петрарки и эпитафий на латинском и немецком языках, написанных к каждому диалогу уже в XVI в. Иоанном Пинитианом. Его эпитафьи задают слова и понятия, он предлагает читателю свой «код» расшифровки текста, в который не включены «символы», позволяющие «считывать» главные *ренессансные* идеи Петрарки.

Ключевые слова: Фр. Петрарка, Ренессанс, Реформация, авторский текст, эпитафья

Об авторе: Девятайкина Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор Саратовского государственного университета. devyatay@yandex.ru

Nina I. Devyataykina

**Two Faces of the One Treatise: Dialogues by
Renaissance Humanist Petrarch and their Epigraphs
by a Reformation Author**

Abstract: The article is devoted to the analysis of the treatise by Francesco Petrarca (Petrarch) «De remediis utriusque fortunae», its thematic systematization. The author tries to understand the logic of relation of texts by Petrarch, and their epigraphs in Latin and German, written to every dialogue is in the XVI century by John Pinitian. His epigraphs define words and concepts, he offers the reader a sort of “key” for the decoding of text, that does not include the “symbols”, that allow to “read” the main Renaissance ideas of Petrarch.

Key words: Petrarch, Renaissance, Reformation, authorial text, epigraphs

About the author: Nina Ivanovna Devyataykina, Doctor of History, Professor of the Saratov State University. devyatay@yandex.ru

Тема статьи была задана трактатом Петрарки «О средствах против превратностей судьбы». Словно ради вящего соответствия названию, фортуна играла с этим сочинением самые разные игры: забрасывала его первые копии-манускрипты в весьма далекие от Италии места, делала объектом пристального интереса ранних типографов, надолго выводила из зоны культурного внимания и в конце концов превратила в «нарративный перекресток» самых противоречивых и противоположных оценок авторов XX в.

Сейчас текст вновь притягивает к себе взоры исследователей и переводчиков, которые ставят к нему новые вопросы, измеряют новыми мерками, констатируя далекую от всестороннего исследования ситуацию¹. Что касается истории изучения эпиграфов, то ими при разработке общих вопросов лингвистики и стилистики занимался еще Б.Б. Шкловский (1953), затем И.Р. Гальперин (1981), Ю.М. Лотман (1986), Н.А. Кузьмина (1987), Б.М. Гаспаров (1996), И.В. Арнольд (1999) и др. Среди сюжетов, которые, насколько можно судить, пока еще не обсуждались в литературе, стоит назвать историю с эпиграфами к трактату. Изложим кратко ее «фабулу», предварив несколькими словами о самом сочинении и его авторе. Как выявил еще в конце XIX столетия американский исследователь У. Фиск,²

¹ Назову лишь некоторые сборники трудов и работы, проливающие свет на актуальные темы в петрарковедении, а также на специфику и «стратегии» диалогов в трактате: *Petrarca e la cultura europea* / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Milano, 1997; *Francesco Petrarca: L'opera Latina: tradizione e fortuna. Atti del XVI Convegno internazionale (Chianciano-Pienza, 19–22 luglio 2004)* / A cura di Luisa Secchi Tarugi. Firenze, 2006, особенно: Lentzen M. *La fortuna del De remediis utriusque fortunae del Petrarca nei Paesi di lingua tedesca: Sebastian Brandt e il Petrarca* // Ibid. P. 361–372; Karlheinz S. *Francesco Petrarca. Ein Intellektueller im Europa des 14. Jahrhunderts*, München-Wien, 2003; *Idem. La vita e i tempi di Petrarca. Alle origini della moderna coscienza europea* / Tr.di G. Pelloni, Venezia, 2007 (Biblioteca); Špička J. *Strategie dialogu v Petrarkově “De remediis”*, Brno, 2005 (diss.); Špička J. *La Speranza e le sue siroccie nel “De remediis” di Petrarca* // *Verbum*, 2005. № 7. P.221–234; Bausi, Fr. *Petrarca antimoderno. Studi sulle invettive e sulle polemiche petrarchesche*, Firenze, 2008 (*Strumenti di Letteratura Italiana*, 26).

² См.: Fiske W. *Petrarch's treatise «De remediis utriusque fortunae», text and versions*. Firenze, 1888.

трактат был начат в Милане в 1354 г., завершен в 1366 г. (Некоторые современные исследователи называют более обтекаемые даты начала – между 1353 и 1361 гг.). Время окончания проставлено рукой самого автора – 4 октября 1366 года.

Напомним, что Петрарка (1304-1334) первую часть жизни жил как сын политического флорентийского изгнанника за пределами Италии, хотя и бывал там почти ежегодно, а незадолго до начала работы над трактатом принял решение вернуться на родину. Его, знаменитого поэта, ученого, гуманиста, эрудита, наперебой приглашали разные коммуны и синьории. Первой «остановкой» оказался упомянутый выше Милан, один из самых больших и развитых тогдашних городов, жизнь которого давала много пищи для наблюдений и размышлений, нашедших впечатляющее отражение в тексте интересующего нас труда.

Трактат состоит из 254 диалогов на многие десятки тем. При этом сквозной, как везде у Петрарки, остается проблема человека в ее раннеренессансном осмыслении. Текст разделен на две книги, каждой из которых предпослано предисловие. Название, по мнению М. Ариани, «смоделировано» с псевдо-сенекианского «*De remediis fortuitorum*»³ («О средствах против случайностей»). Беседы ведут аллегорические персонажи, заимствованные у стоиков. В первой книге – Разум (*Ratio*) и Радость (*Gaudium*) или Разум и Надежда (*Spes*), во второй – Разум и Печаль (*Dolor*) или Разум и Страх (*Metus*). В предисловии автор обстоятельно объясняет свой выбор⁴. Диалоги не имеют строгой группировки, а книги не равны по их количеству: в первой обсуждаются 122 сюжета, во второй – 132. При этом первая книга – о средствах против *счастливой* судьбы, что воспринимается несколько необычно, вторая – также о

³ Ariani M. Francesco Petrarca // Storia della letteratura italiana. Vol. II. Il Trecento. Roma, 1995. P. 645.

⁴ Петрарка Фр. О средствах против превратностей судьбы. Предисловие // Франческо Петрарка. Сочинения философские и полемические / Сост., пер. с лат., коммент., указат. Н.И. Девятайкиной, Л.М. Лукьяновой. М.1998. С. 137.

средствах, только против *несчастливой* фортуны, что кажется более понятным.

Повседневность, о которой как об учительнице жизни заявляет автор при характеристике задач труда в «Предисловии», не сходит со страниц сочинения: перед нами диалоги для широкого круга читателей и каждодневного чтения. Забегая вперед, заметим, что, возможно, здесь кроется одна из причин необычайной популярности трактата в XV-XVII вв. Манфред Лентцен пишет, что, например, в Германии из пяти главных латинских трудов Петрарки именно на долю этого трактата выпал наибольший успех и что отдельные диалоги начали переводиться на немецкий язык уже между 1400 – 1430 гг.⁵ Трактат «соперничал» с сочинениями Эразма Роттердамского, собиравшими самый большой издательский «урожай».

История эпиграфов, о которых заявлено в названии статьи, связана с эпохой Эразма, временем расцвета немецкого ренессансного гуманизма и основных событий реформации. Как показали исследования, интерес образованного читателя к Петрарке был очень высок. По словам В.М. Володарского, этот интерес, прежде всего, начали подогревать немецкие гуманисты и университетские профессора⁶. Трактат «О средствах» выходит в числе инкунабул в Страсбурге (не позже 1474 г.), в 1496 – в составе собрания сочинений в Базеле⁷. В 1520 – 1530 гг. именно при участии гуманистов готовится его первый перевод на немецкий язык; начало этому важному делу было положено гуманистом Себастьяном Брандтом (1457–1521 гг.), который успел написать стихотворное предисловие на немецком языке.⁸ Манфред Леммер выявил обстоятельства подготовки

⁵ Lentzen M. La fortuna del De remediis. P. 362.

⁶ См.: Володарский В.М. Восприятие Петрарки в немецкой культуре эпохи Возрождения // Франческо Петрарка и европейская культура / Отв. ред. Л.М. Брагина. М., 2007. С. 168-177.

⁷ См. подробнее: Geiß Jür. Zentren der Petrarca-Rezeption in Deutschland (um 1470 – 1525). Rezeptionsgeschichtliche Studien und Katalog der lateinischen Drucküberlieferung. Wiesbaden: Reichert, 2002; Lentzen M. La fortuna del De remediis. P. 368.

⁸ См.: Lentzen M. La fortuna del De remediis. P. 362. Повторим каталожное описание: [Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae]

и публикации перевода⁹, который был сделан Петером Штахелем (Peter Stahel) и отредактирован гуманистом, сторонником реформации Георгом Спалатином (1484–1545 гг.). Текст вышел в 1532 году в Аугсбурге в типографии Генриха Штейнера. Данное издание было снабжено 261 прекрасной иллюстрацией – ксилографическими гравюрами знаменитого Мастера Петrarки¹⁰.

Дальше история отказывается связанной с именем Стефана Вигилия. В том же Аугсбурге в 1539 году вышел его перевод трактата¹¹. По каталожному описанию издание выглядит внушительным по размеру (301x199 мм) и объему (295 л.), с предисловием переводчика к первой части и еще одним – стихотворным – предисловием издателя ко второй. Очевидно, именно этот текст до 1620 г. претерпевает 9 переизданий. В издании 1539 г. к каждому диалогу появляются интересующие нас *эпиграфы* в форме дистихов на латинском и немецком языках, вышедшие из-под пера Иоанна Пинитиана¹². На этот факт указал У. Фиск,

deutsche Übersetzung durch Peter STAHEL und Georg SPALATINUS 1531]: Von der Artzney bayder Glück / des gûten vnd widerwertigen. Vnnd weiß sich ain yeder inn Gelûck vnd vnglûck halten sol. Aus dem Lateinischen in das Teûtsch. gezogen. schön gezyret. Gedruckt zû Augspurg durch Heynrich Steyner. M.D.XXXII.

⁹ См.: Franciscus Petrarcha. Von der Artzney bayder Glueck, des guten und widerwertigen / Hrsg. M.Lemmer. Leipzig, 1984. PP. 181-209.

¹⁰ Одни исследователи идентифицируют его с Хансом Бургкмайром (1473-1531), другие – с Хансом Вейдитцем Младшим (работал с 1495 г.), третьи считают вопрос нерешенным. – См.: Lentzen M. La fortuna del De remediis. P. 369.

¹¹ Повторим и здесь каталожное описание: [Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae] [deutsche Übersetzung des Stephan VIGILIUS:] Glückbuch, beydes dess Gutten und Bösen: Darinn leere und trost, wess sich menigklich hierinn halten soll. Durch anciscum Petrarcham vor im lateinisch eschrieben u. yetz verteutscht Durch Franciscum Petrarcham vor im lateinisch beschrieben u. yetz verteutscht. Augspurg: H. Steyner MDXXXIX.

¹² Л.М. Лукьянова определила, что написаны эпиграфы элегическим дистихом, размером, в котором первая строка – гекзаметр, вторая – пентаметр. Это одна из древнейших форм, пришедшая в свое время в Рим из Греции. Дистихом чаще всего делались надгробные надписи. Не исключено, что наш автор оказался среди зачинателей жанра эпиграфа, который, по словам специалистов, появился во Франции в

выяснивший, что эпитафьи (в форме дистихов) были широко использованы при переизданиях как немецких переводов трактата, так и его оригинального латинского текста вплоть до 1620-х годов. Этот же исследователь указал, что дистихи были изданы отдельно в 1862 году. К сожалению, ни одной специальной работы по поводу данных эпитафьев пока найти не удалось. (В отсутствие возможности воспользоваться изданием 1539 года мы изучали эпитафьи по Бернскому изданию 1610 года, которое обнаружилось в библиотеке Саратовского университета¹³. У. Фиск указывает на него в числе тех, где были воспроизведены *латинские* эпитафьи Пинитиана)¹⁴.

Этот автор, его мировосприятие, явленное в эпитафьях, и будет нас интересовать. Пока о нем удалось узнать немного. Иоанн Пинитиан (1478–1542) – священник, жил и преподавал в Аугсбурге. Там в 1511–1512 гг. выпустил два маленьких сборника латинских стихов и через двадцать лет написал 254 эпитафью к диалогам трактата Петрарки. Напомним, Аугсбург был имперским городом, активным участником политической жизни Германии вообще и Реформации в особенности. Ее финальные аккорды прозвучали в этом городе в виде Аугсбургского религиозного мира (1555 г.), признавшего разделение Германии на два конфессиональных лагеря. Там имела место интенсивная интеллектуальная жизнь, сформировался и действовал один из гуманистических кружков, с 1468 г. начали возникать типографии, что делает вполне объяснимым выход в одной из них переводов трактата Петрарки. В начале XVI в. типографии Аугсбурга, Нюрнберга, Базеля публиковали огромными по меркам того времени тиражами сочинения и памфлеты гуманистов, многие национально-патриотические идеи которых отвечали

XV в. в сочинении хрониста Жана Фруассара, ставшего известным в 1495 году.

¹³ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae, libri duo. Editio quarta, prioribus longe castigior cum indicibus locupletissimis. Sumptibus Esaiae Le Preux. MDCX [Bern, 1610].*

¹⁴ *Fiske W. Op. cit. P.12.*

запросам политической элиты, дворянства, городского патрициата, горожан вообще, служили обоснованием суверенных прав, настраивали на борьбу с папством. Общеизвестно, что церковь с ее богатствами и ресурсами превратилась в то время в главный объект критики и неприятия значительной части общества, в том числе – местного духовенства. Она диктовала правила общественной и политической жизни (чего стоит известный факт: на рейхстаге 1521 г. духовенство представляли 3 курфюрста, 4 архиепископа, 46 епископов, 83 аббата, аббатисы и главы духовных орденов). Архиепископы Трира, Кёльна и Майнца участвовали в выборах императора. Во многих областях Германии, особенно в бассейне Рейна, где располагались самые значительные владения духовных князей, церковь играла роль жесткой территориальной власти. Иоанн Пинитиан, если обратить внимание на годы его жизни, варился в реформационных событиях от начала до конца и, судя по всему, вполне усвоил их уроки.

Кстати, как указывают авторы, 90% печатных станков в Германии было поставлено на службу Реформации. Отсюда не может не возникнуть мысль, что издатели искали какие-то возможности влить и трактат Петрарки в подобную струю, актуализировать его. И, естественно, важно поставить вопрос, не позволяют ли эпитафии проследить это предположение.

В рамках одной статьи оказалось невозможным проанализировать не только все 254 эпитафии, созданные Пинитианом, но даже половину из них. Действительно, группировка 122 диалогов только первой книги выявляет пять-шесть крупных тем, которым посвящено от пяти-шести до нескольких десятков диалогов. Среди них – человек в его физической и духовной ипостаси (14 текстов), отдых, увлечения (17), надежды и ожидания (8), семья, дети, взаимоотношения супругов и родственников (15), имущественный и социальный статус, социальные связи, занятия и труд, образ жизни (43), власть, армия, война (15). Особняком стоят диалоги на сугубо этико-философские и мировоззренческие темы: религия (1), свобода (2), счастье (2), надежда (1) слава (4).

Нам показалось важным обратиться, прежде всего, к тем стихам Пинитиана, которые предваряют диалоги на церковно-религиозные в широком смысле слова темы, поскольку они могли быть наиболее актуальны для его эпохи. Объем материала заставил ограничиться только несколькими наиболее яркими текстами первой книги и их эпиграфами.

Итак, как же проявляет себя автор, переживающий эпоху Реформации, в эпиграфах? Позицию Пинитиана обнаруживают уже двустишия к первым *мировоззренческим* диалогам трактата – «О религии» (I,13) и «О свободе» (I,14)¹⁵.

Первый эпиграф звучит так:

Вдов навещать и сирот, презирать на земле всё мирское –
Это религия есть та, что угодна Христу¹⁶.

Orphanos, viduasque invisere, spernere mundum
Haec, Christo, vera Religione places¹⁷.

Если мы обратимся к тексту диалога Петрарки, то не найдем в нем ни вдов, ни сирот, ни прямых суждений о презрении ко всему мирскому. Мы встретим лишь словосочетание «истинная религия», но в другом контексте. «Лучшая и единственная совершенная религия, – говорит Разум в ответ на слова Радости, – та, что зиждется на имени Христа и стоит на самом твёрдом камне; всё остальное – пустое суеверие, заблуждения и неверные пути, ведущие в тартар и к смерти, причём не временной, а вечной»¹⁸. И дальше идет развитие данной темы, весьма злободневной во времена Петрарки, и, думается, прежде всего, связанной с исламом: тогда мусульманско-турецкий мир заявлял о себе все активнее, а до Косова поля оставались немногие

¹⁵ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae*. I,13 «De religione»; I,14 «De libertate». Р. 71-74. Римская цифра в скобках означает здесь и далее номер книги, арабская – диалога.

¹⁶ Стихотворный перевод *всех* эпиграфов принадлежит Л.М. Лукьяновой.

¹⁷ При цитировании сохраняются орфография и пунктуация оригинала.

¹⁸ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae*. I,13 «De religione». Р.71.

десятилетия. Не исключено, что Петрарка мог иметь в виду и еретические учения.

Во времена Пинитиана в Германии, насколько известно, «угодность Христу» понималась реформаторами как прямая связь с ним и благочестивые дела по отношению к бедным, к общине; такое поведение противопоставлялось «добрым делам» католической церкви, которые трактовались прежде всего как пожертвования в ее пользу. О «своей» религии как истинной и спешит заявить автор эпитафы.

С точки зрения эпитафы как литературного факта перед нами «переформатирование» смысла, переключение внимания читателя с общих проблем понимания христианства на актуальные вопросы вершившейся, укоренявшейся реформации. Такой прием становится одним из главных у Пинитиана.

В буквальном смысле перекликается с проанализированным эпитафом двуступенчатый диалог «О свободе».

Если ты служишь грехам, ты не можешь считаться свободным.

Только где есть Божий Дух, там и свобода живет.

Non liber, qui peccatis inseruit, habet
Libertas sed ubi Spiritus est Domini¹⁹.

В данном случае мы слышим голос Лютера и его сторонников, которые утверждали, что каждый человек, «освященный Духом Святым или же особым даром Божиим вернейшим образом судит о своем собственном спасении и оценивает убеждения и мнения всех людей». (Приведенное высказывание почерпнуто из сочинения Лютера «О рабстве воли».) Так обосновывался тезис, что человек способен привести себя к спасению души сам, без посредничества особых католических духовных лиц. У Петрарки слов о Божьем Духе нет. В его диалоге речь идет, прежде всего, о неустойчивости социальной свободы, круговороте фортуны,

¹⁹ Ibid. P. 72.

превращающем царя в раба и раба в царя, о свободной и несвободной родине, наконец, о рабстве греха²⁰.

Лексика этих двух эпитафий явно выдает реформаторские настроения и терминологию, позволяет составить некоторое суждение об авторе. Стих вновь «вбрасывает» новые смыслы, протягивает читателю немецко-язычной зоны узнаваемый «ключ». Одновременно – убеждает культурным авторитетом европейски известного поэта и гуманиста: получается, что он полтора века назад обозначал в своих диалогах важные для времени Реформации проблемы.

Столь же серьезную службу сослужили Пинитиану заключительные диалоги первой книги – «О многочисленных надеждах» (I,120) и «О надежде на вечную жизнь» (I, 122).

Над первым из диалогов вне связи с эпитафией у нас уже был случай поразмышлять. Он весьма необычен стилистически, ироничен по тону, полон загадками по содержанию, затрагивает около десятка тем. Кратко перечислим их: *общие* («многие надежды»); *здоровье* (долгая жизнь, крепкое тело, здоровое тело); *плотские удовольствия* (красота тела, любовные отношения, ночь с подругой, дозволенность грешить); *месть*; *богатства* (прибавление богатств, корабли из разных морей, прибыль); *власть* (большое могущество, царская и императорская власть); *семья* (браки и дети, браки для детей, старая и новая жены); *служба*; *успех в литературе*; *талант в речах*; *смерть* и *посмертная слава* (похвальная речь на похоронах, золотая пирамида, слава после смерти, имя у потомков, наследство после себя).

Как же реагирует на обсуждаемые темы Пинитиан? Он «резюмирует»:

Души людские надежды обманут, посеяв большое сомненье.

²⁰ Диалог переведен на русский язык Л.М. Лукьяновой и опубликован. См.: Деятайкина Н.И. Петрарка и человек его эпохи в общественном и личном пространстве (по трактату «О средствах против превратностей судьбы»; Диалоги из трактата / Пер. с лат., коммент. Л.М. Лукьяновой. Саратов, 2010. С. 132-134.

Крепко надейся всегда только на Бога Христа.

*Spes animos hominum fallit, dubiusque relinquit
In Christum fortis spes sine fine manet*²¹.

Слова о надежде на Христа не встречаются в рассуждениях Разума. Характер *его* реакции на заявления собеседника-Радости насмешливый, резкий, афористически-обобщающий. Тональности высказываний на протяжении разговора он не меняет, на язык благочестивого наставления, проповеди, евангелия не переходит. Беседа выдержана в светском духе при использовании светской же фразеологии и лексики.

А Пинитиан вновь меняет «регистры». И в этой замене мы вновь слышим реформаторскую ноту: надеяться следует «на Христа». В продолжение произнесенного в душах его современников-сторонников Реформации могло звучать: а не на католическую церковь и ее духовенство, или что-то в подобном духе. Для него на первом плане истины веры, ради которых он спокойно жертвует петрарковскими истинами светской этики и ренессансных гуманистических моделей поведения.

Пожалуй, меньше всего забот было у Пинитиана с эпиграфом к заключительному диалогу первой книги трактата «О надежде на вечную жизнь». Об актуальности темы для реформаторов и говорить не приходится: многие споры и диспуты вращались вокруг вопроса о том, как человеку прийти к спасению души.

Пинитиан формулирует нравственную задачу христианина так:

Вот настоящая цель для тебя: надежда спасенья
навек,
С сёстрами свяжешь её – так и спасенье найдёшь.

Est verus scopus aeternam sperare salutem,

²¹ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. I,120 « De multiplici spe».* P.352.

Si spes illa suis iuncta sororibus est²².

Пинитиан напоминает о «сестрах», то есть о трех т.н. «теологических» добродетелях: надежде, вере, любви (милосердии). В этом случае он точно передает смысл диалога Петрарки, использует его понятийный ряд, кратко излагает главную идею о первостепенности забот о «вечном спасении». Сам автор трактата столь значимым для христианина диалогом завершает первую книгу, словно бы делает некий главный вывод, заключительный утешительно-наставительный посыл читателю. Пинитиан его подхватывает. Думается, однако, за простым стихом и здесь мог подразумеваться реформаторский подтекст: человек спасается именно *верой* и связанными с ней добродетелями, а не добрыми делами и благодатью, на которые в качестве условия спасения ориентирует католическая традиция.

В данном случае эпиграф играет «классическую» роль. Специалисты по эпиграфам, описывая это явление литературы, обозначают его как малый жанр, который обычно составляет элемент жанра более крупного. Этот максимально сжатый жанр чаще всего является связующим звеном между системой культуры его контекста, его эпохи и временем того произведения, в который он включен. Он фокусирует в себе смысл данного произведения и выводит текст на более высокий уровень интерпретации. Эпиграф чаще всего способствует умножению смысла текста. Все названные элементы можно увидеть в последнем эпиграфе Пинитиана. Но это, скорее, исключение, чем правило. «Правило» – в реформаторском перетолковывании смыслов.

Вообще, эпиграфы к диалогам последней части книги, к числу которых относится и выше рассмотренный, вызывают особенный интерес. Если назвать темы диалогов, то они обнаружат веер очень разных вопросов, на первый взгляд, мало располагающих к благочестивым двустушиям: «О распоряжении накопленными богатствами» (I,100), «О мщении» (I, 101), «О надежде победить» (I, 102), «О победе» (I,103), «О понтификате» (I,107), «Об ожидании сына или

²² Ibid. I,122 «De spe vitae aeternae». P.355.

друга» (I,114), «О надежде на славу, приобретенную благодаря знакомствам» (I,119), «О надежде на душевный покой» (I,121). Как видим, Петрарку волнуют темы социальные, политические, военные, этические, личные. Лишь две из них сразу могли обратить особое внимание Пинитиана-реформатора и священника: о понтификате и о надежде на душевный покой. Однако на деле все восемь диалогов получают эпиграфы, отмеченные выраженным благочестием, одновременно «вбрасыванием» новых смыслов и «съеживанием» старых. Если пойти по порядку, то нетрудно заметить, что четыре диалога, названные в начале «списка», идут друг за другом, а два – на близкие темы. Диалог «О распоряжении накопленными богатствами» у Петрарки связан с общественными и социальными вопросами. Суть его рассуждений такова: самое худшее употребление богатств – для ведения войн; лучше их раздать бедным; богатство не делает лучше, лишь приносит хлопоты и лишает воров покоя²³. Для Пинитиана все гораздо более однозначно:

Кто собирает богатства, чтоб гнусности делать,
верь мне, нескоро ещё в царство Господне войдёт.

Напоминание о трудностях вхождения в царство небесное (*coelica regna*) – явный парафраз притчи по поводу верблюда, игольного ушка и богатого человека. Оно ориентировано, если так можно определить, на личность в ее внутренней ипостаси. Диалог Петрарки тоже ориентирован на личность, затрагивает этические струны и ценностные ориентиры, но одновременно он развернут на многих людей, вызывает к общественному осуждению, имеет в виду политическое поведение. Иными словами, Пинитиан *сужает* эпиграфом смысловое «поле» петрарковского текста. И подобное происходит много раз. (Кстати, верблюд и богач «без околичностей» встречается у Пинитиана в эпиграфе к диалогу «Об изобилии богатств»²⁴ и тоже как полное «своеволие»).

²³ Ibid. I,100 «De thesauro reposito» . P. 303.

²⁴ Ibid. I, 53 «De divitiarum copia» . P. 199.

Если верблуду под силу пройти сквозь игольное ушко,

Весьма обстоятельный диалог «О мщении» (I, 101), помещенный Петраркой вслед за проанализированным выше, позволяет Пинитиану дальше развивать тему в сугубо христианском ключе, тем паче, что текст гуманиста в данном случае не противоречит настроению автора-реформатора. Ключевая (вторая) строка эпитафия – «Всякое мщение от Бога должно воздаться» – прямо перекликается с одной из сентенций Разума. Равно и первая часть диптиха во многом совпадает по смыслу с первой фразой Разума, заявляющего, что негоже мстить врагу²⁵.

Казалось бы, далек по смыслу от темы благочестия диалог «О надежде победить» (I, 102), помещенный вслед за текстом «О мщении». Там гуманист Петрарка седлает своего любимого конька и рассуждает о том, насколько исход войны бывает мало связан с ее «замыслом», как она чревата злодеяниями и богата жертвами. В самом конце диалога краешком цепляется и тема греха, точнее, грехов победителя, которого победа, по словам Разума, часто толкает к грабежам и злодеяниям.

Пинитиан пытается соединить важную ему тему о необходимости борьбы с грехами с темой двойственности *последствий* военной победы.

Часто случается: кто победил, побеждённым уходит.

Истинно тот победит, кто грехи побеждать
научился²⁶.

Saepe sit, ut qui vicisset, iam victus abiret;
Vincere qui didicit crimina, victor erit.

Нетрудно увидеть, что переводчица диптиха невольно «подыграла» Пинитиану, выбрав для размера (напомним, пентаметра) из всех значений слова «*crimen*» (вина, проступок, грех, преступление, прелюбодеяние) такое, которое ближе всего к лексике христианского наставления. На такой выбор настраивает весь ряд эпитафий. И вновь

то и богатый тогда в царство небес попадёт.

²⁵ Ibid. I, 101 «De vindicta». P. 305.

²⁶ Ibid. I, 102 «De spe vincendi». P. 309.

поле петрарковского текста сужается, тема войны, столь важная для гуманиста XIV века, ступшевуается, тема необходимости борьбы с грехами и слабостями человеческими расцветивается.

Примерно то же происходит с диалогом «О победе» (I,103). В нем цепь рассуждений замыкается утверждением, что победа содержит в себе семя будущих войн, враги будут всегда. Эпиграф звучит так:

Многие губят людей, добывая победу в сраженьях,
но от пороков своих гибнут и сами подчас.

В первой строке эпиграфа повторена одна из фраз Разума в диалоге, а во второй строке на место петраковского заявления, что часто люди бывают «побеждены гневом», встают слова о гибели от пороков (*vitiis*)²⁷. Благочестие Пинитиана и здесь находит более сильные выражения, чем у Петрарки.

Пожалуй, центральным «реформаторски ориентированным» эпиграфом можно назвать стих к диалогу «О понтификате»²⁸. Сам диалог достаточно большой, обсуждаемые в нем вопросы можно разделить на несколько тем: о власти понтифика как таковой, причинах стремления к ней, о личности во власти, о влиянии власти на личность, наконец, о восприятии Петраркой современной папской власти. Поскольку уже были случаи обращаться к этому яркому тексту, кратко повторим главное. В диалоге Петрарка устами Разума резко критикует современное ему папство. Разговор между персонажами идет очень напряженный и завершается заключением-наставлением, адресованным римскому папе (понтифику), помнить о Господе и знать, что Его может сильно разгневать ненадлежащее поведение «викария».

Как уже достаточно ясно, подобное отношение совпадало с настроениями и представлениями Пинитиана. Он предваряет текст следующим эпиграфом:

²⁷ Ibid. I, 103 «De victoria». P. 311.

²⁸ Ibid. I, 107 «De pontificatu». P. 318-321.

Кто добывается папства, где царствуют ложь и
отравы,
быстро к кончине бежит и при этом по собственной
воле.

Sponte sua in mortem currit, qui Pontificatum
Ambit ubi fraus, et saeva venena regunt.

Если поставить вопрос о степени лексического сходства, то слово «ложь» присутствует в диалоге при рассуждении о том, какими способами «ныне», т.е. во времена Петрарки, добывается порою папское место. Об «отравах» прямо в диалоге речи нет, хотя подобная возможность не исключается, о чем свидетельствуют характеристики поведения лстивых и угодливых лиц из папского окружения. «Многие будут тебя почитать, – с упреком говорит Разум, адресуясь к Радости-понтифику – многие будут обожать тебя, подстергать и окружать со всех сторон, устилать землю перед тобой шёлком, седлать белоснежного коня с золотой уздечкой; *другие будут расставлять перед тобой вина и яства и первыми пробовать их*» (курсив мой – Н.Д.)²⁹. Мы понимаем: Петрарка упоминает о придворном обычае пробовать напитки перед их непосредственным употреблением первым лицом, дабы увериться, что в них нет яда. Готовность со стороны придворного делать подобное должна была демонстрировать высшую степень его преданности. Иными словами, «отравы» в контексте диалога не выглядят угрожающей повседневностью, как это обозначено в эпитафии. И на них не сосредоточено специального и большого внимания.

Вторая часть соответствует характеру основных суждений гуманиста. В целом эпитафия и текст находятся между собой в гораздо большей степени согласия, чем во многих других случаях. Но не потому ли, что диалог

²⁹ Ibid. P. 319. Диалог переведен на русский язык и опубликован. – См.: Петрарка Фр. Диалоги о власти из трактата «О средствах против превратностей судьбы» / Пер. с лат. и коммент. Л.М. Лукьяновой // Средневековый город. Межвуз. научн. сб. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2008. Вып. 19. С. 162-165.

Петрарки по резкости тона предвосхищает реформаторские выпады, звучит почти как реформационная сатира или инвектива? И автору эпиграфа не было нужды добавлять «от себя» еще что-то.

Повод задеть Рим находится у автора эпиграфов еще, по крайней мере, один раз. Натолкнувшись в одном из «серединных» диалогов первой книги на рассуждения о грехе ростовщичества, Пинитиан позволяет себе целиком переиначить текст ради актуализации темы.

Ссуду давать под процент это зло и зараза
для Рима.

Дела позорнее нет даже в Аиде самом.

У Петрарки никакого Рима в диалоге нет. Да и быть не могло. Если бы он захотел упрекнуть пап в грехе ростовщичества, то должен был назвать Авиньон, папскую столицу времени создания трактата. Но у него нет и Авиньона. «Зло и зараза для Рима» – широко употребительная формула эпохи Реформации. Главный замысел эпиграфа – осудить папство и духовенство, заклеить его как зараженное дурной болезнью. Именно так, очевидно, после подобного эпиграфа воспринимался и сам диалог.

Как уже отмечалось выше, наибольшую близость к контексту обнаруживают эпиграфы к последним диалогам книги. Предпоследний разговор между персонажами Петрарки идет по поводу душевного покоя. Разум заявляет там, что попусту надеяться на душевный покой, если не прилагать особых усилий. «О, сколь многие так и переходят с этой надеждой к вечным страданиям и борьбе!», – констатирует устами своего главного персонажа автор трактата³⁰. Иными словами, пустыми надеждами устлана дорога в преисподнюю и к вечным страданиям души.

Пинитиан оптимистичней комментирует ситуацию:

Истинный мир для души только сам себе можешь
доставить:

³⁰ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae. I,121 « De pace animi sperata».* P. 354.

склонность к порокам забудь – будет спокойна душа.

Заявление о «самом себе» вновь заставляет вспомнить реформаторское учение о спасении собственными силами, которое может «прочитываться» в подтексте. Да и тональность эпитафия во многом совпадает с настроением диалога: Пинитиан проявляет *редкое* единодушие со своим прославленным предшественником.

Изучение всего круга эпитафий, несомненно, откроет еще многие любопытные для понимания мировосприятия Пинитиана моменты, позволит уточнить и более обстоятельно аргументировать высказанные предположения. Пока попытаемся подвести некоторые итоги затронутым вопросам, совместив подходы историков и литературоведов.

Прежде всего – о функциях дистихов Пинитиана. По типу рассмотренные в статье эпитафии классифицируются как «добавленные» (в отличие от авторских). Насколько можно понять, в отечественном литературоведении еще не рассматривался такой вариант добавленных эпитафий, с которым мы имели дело. Если иметь в виду их происхождение, то перед нами случай «издательско-заказных» эпитафий. Действительно, дистихи были *заказаны Пинитиану* в ситуации начала книгопечатания в Германии издателями, возможно, и лицами, редактировавшими перевод текста на немецкий язык. Более того, и текст-то перед нами не художественный, он, условно говоря, «научно-популярный», живущий по законам своего жанра, что тоже не могло не сказаться на стихах Пинитиана.

Литературоведы (среди них должна быть отмечена Н.А. Кузьмина) давно выявили такую особенность эпитафий как полифункциональность. Среди их «ролей» называются следующие: поясняющая, приоткрывающая внутренние смыслы текста, концептуально-мировоззренческая (идейная), подтекстовая. Первое, что можно отметить: дистихи Пинитиана меньше всего играют роль поясняющей надписи. Лишь два-три из них подсказывают читателю, о чем речь пойдет в основном тексте, остальные звучат как самостоятельное наставление, назидание. Уже это не

позволяет определить их как органическую часть диалогов, приоткрывающих внутренний смысл основного текста. Дистихи с самого начала вступают в сложные и многозначные отношения с нарративом Петрарки. В рамках исследованных стихов на первое место явно претендует концептуальная (мировоззренческая) функция эпиграфов. Иоанн Пинитиан нашел многие способы усилить антиримское и антикатолическое звучание диалогов своими афористически краткими, бьющими в цель эпиграфами. Они становятся выражением настроений значительной части общества. Подобные эпиграфы, если применить к нашему случаю теоретические выкладки Б.М. Гаспарова, одновременно принадлежащие двум контекстам, активно формируют особый тип восприятия, наталкивают читателя на освоение основного текста под определенным углом зрения, кратко говоря, в протестантском формате.

Иными словами, содержательная функция эпиграфа в случае Пинитиана выглядит *особой*. Дистихи Пинитиана в большей или меньшей мере *перекликаются* с тематикой диалога, при этом «не реагируют» на включенные туда сюжеты или примеры, во многом сужают, а то и изменяют концептуальную позицию автора основного текста (за исключением обще-христианских посылов диалогов, связанных со спасением души). Кроме того, эпиграфы Пинитиана меняют эмоциональную тональность текста. Нельзя не отметить также значительную степень лексического несходства.

Двустихия Пинитиана с точки зрения их «пространственного испомещения» относятся к автономным эпиграфам. Во всех рассмотренных случаях они являют собой наполненный и заверченный фрагмент текста, самостоятельное речевое произведение, текст культуры, насыщенный социальным и религиозно-этическим содержанием. Эпиграф стоит перед основным текстом произведения, т.е. позиционно выделен, чем активно влияет на текст. Кроме того, эпиграф, по наблюдениям литературоведов, может изменить тему. В большей части наших случаев именно так и происходит. Эпиграф задает слова и понятия, его автор предлагает читателю свой «код»

расшифровки текста, в который, как отчасти было показано, не включены «символы», позволяющие «считывать» главные *ренессансные* идеи Петрарки.

Дистихи Пинитиана во многом *уводят* читателя из мира идей и реалий XIV в., или, по крайней мере, *сталкивают* их с тем миром и временем; они привносят неавторскую точку зрения, заставляют читателя одновременно озирать два, если вновь воспользоваться словами Б.М. Гаспарова, «духовных ландшафта», погружают в две разные духовные среды.

Среди литературных источников дистихов узнаются библейские тексты, сочинения Лютера и его последователей, кое-где греческие мифы. Пинитиан ни разу прямо не адресует читателя к автору, не называет его имени. Такое «необозначение», как полагают литературоведы, связано со степенью узнаваемости, можно добавить, одновременно – со средневековой «историографической» традицией, которая не изживает себя вплоть до XVII в. И здесь читательская память, усвоенные с детства метафоры и наставления становятся «мостом» к установлению диалогических отношений с автором эпиграфов. Посредством подобного «контакта» читатель эпохи Реформации выходил на особый уровень понимания, замысел автора эпиграфа становился адекватным восприятию. Заметим, что речь идет именно об эпиграфе, а не об адекватности восприятия современником Пинитиана петрарковского текста, с которым, как мы видели, дело обстоит существенно иначе.